

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Как приходит к тебе герой твоей книги? Это снисходит как откровение. А каким образом — никто не знает. Объяснить — невозможно. Как говорил Ф. И. Шаляпин о творчестве — «это по ту сторону забора». Вот как начинался этот сборник.

По телевизору шел фильм «Старая, старая сказка». И хотя я смотрела его уже множество раз, но в тот день как будто впервые увидела ЕГО. ОЛЕГА ДАЛЯ. Конечно, я знала и эту пронзительную чистоту и ясность взгляда, и по-детски открытую и какую-то беззащитную улыбку, и удивительную тонкость, даже ломкость, но тогда вдруг поняла: я должна о нем писать.

Книга рождалась трудно. Сначала был диплом во ВГИКе, где не хотели утверждать моего героя, потом в издательстве «Искусство», где с яростью набросились на архив артиста, настаивая на его сокращении. Я долго воевала и с теми, и с другими. Многим, если не всем, я обязана своим вгиковским педагогам — киноведам К. М. Исаевой и В. С. Колодяжной, которая еще была и руководителем курса, и моей дипломной работы. Моя признательность киноведе И. Рубановой за помощь в моей борьбе с издательством «Искусство».

Но на этом пути были и великолепные просветы. Например, когда жене Олега, Елизавете Алексеевне, позвонил С. К. Никулин, главный редактор издательства «АРТ», и предложил издать сборник у них. Я с благодарностью вспоминаю этого изумительного человека и в высшей степени профессионального редактора, у которого я училась бережному отношению к чужим текстам. Приношу горячую признательность всем, кто участвовал в работе над книгой, а также тем, кто просто поддерживал меня и проявлял заинтересованность, и прежде всего моей маме, кинооператору Людмиле Лаврентьевне Галаджейвой.

Выражаю особую, сердечную благодарность родным и близким Олега Ивановича Даля — его сестре Ираиде Ивановне Даль-Крыловой и племяннице Татьяне Антонюк, и наследнице его вдовы Елизаветы Даль, Ларисе Мезенцевой, за предоставленный для публикации его рукописный архив. Кое-что из него печаталось ранее, но в соединении с новыми материалами поможет читателю открыть для себя неизвестного Даля — творца и человека.

Большое человеческое спасибо киноведу Александру Иванову, который поделился воспоминаниями и другими материалами, не вошедшими в его собственную книгу о Дале.

Благодарю поклонников актера Олега Банного (г. Одесса) за значительную финансовую помощь на открытие мемориальной доски О.И. Далю в Москве и Александру Гусеву (г. Рязань) за посильную материальную помощь во время моей работы над книгой.

Эта книга выдержала три издания. Поэтому я признательна моей подруге Светлане Винтер, которая способствовала появлению на свет ее четвертого издания в исправленном и дополненном виде.

И, конечно, вся моя любовь — Олегу Ивановичу Далю за то, что он вошел в мою жизнь и стал героем моей первой книги. Он научил меня понимать тех, кто живет с болью в душе и сердце от той ответственности, которую они взваливают на свои хрупкие плечи, не торопиться с выводами и тем более не осуждать их.

Из тех, кого я приглашала к участию в сборнике, первым откликнулся на мое письмо замечательный поэт Давид Самойлов. Он собирался написать об Олеге, но, к сожалению, не успел. Его слова остались мне добрым напутствием. Пусть они будут эпитафией к этому сборнику.

* * *

А В Т О Б И О Г Р А Ф И Я

Я родился 25 мая 1941 года в Москве. Мой отец — Иван Зиновьевич Даль — инженер, умер в 1967 году; моя мать — Прасковья Петровна Даль — учительница, сейчас на пенсии.

Окончил среднюю школу в 1959 году и в этом же году поступил в Театральное училище при Государственном Академическом Малом театре СССР, которое окончил в 1963 году.

Сразу же по окончании училища был принят в труппу Театра «Современник», в котором работал до 9-го марта 1976 года.

В 1960 году начал сниматься в кино, снимаюсь и по сей день.

Пока все. О. И. Даль

ФРАГМЕНТЫ
ОДНОЙ БИОГРАФИИ

В начале работы над этой книгой, читая записи в архиве актера, я обнаружила написанную им биографию. Олег Даль отметил только те даты и события, которые обычно требуются в этом документе: где родился и когда, кто родители, когда окончил школу и поступил в институт и т.д. Вероятно, автобиография писалась по какой-то административной надобности. Но лаконизм и сухость изложения не скрыли главного — характер и судьбу Даля¹.

Родился Олег Иванович Даль в 1941 году 25 мая в Москве. Родители — Иван Зиновьевич Даль, служащий, железнодорожник, мать — Павла Петровна Даль, учительница литературы. Закончил Театральное училище имени М. Щепкина при Государственном Академическом Малом театре СССР. Работал в Театре «Современник», снимался в кино.

Так же, как и в этом документе, в самой биографии Даля много умолчаний. Что касается характера, то он опять же — в сдержанности рассказа: когда актер говорил о себе вслух, то получалось не намного больше.

Одна маленькая деталь сразу же обращает на себя внимание, разбивая канцелярскую академичность справки своей, скажем так, неуместностью. В нестабильности, в непривычности для данного жанра заключения «Пока все» — своеобразии натуры и личности, заложенная в характере привычка разрушать привычные и приевшиеся стереотипы. Если хотите — маленькое свидетельство большого таланта, который можно предположить, даже ничего не зная об Олеге. Мы действительно почти ничего о нем не знали. Вернее, знали мало. Известный и популярный артист. Но при этом — ни званий, ни премий, ни наград. (Большой Хрустальный кубок за роль Зилова в фильме «Отпуск в сен-

---

¹ Позднее мне попала на глаза написанная Олегом Ивановичем более пространно еще одна автобиография, в которой событий гораздо больше, что вполне понятно, так как она писалась в октябре 1980 года, примерно за полгода до его ухода. Однако тон в изложении событий его творческой и личной жизни все такой же подчеркнуто-сдержанный. — *Здесь и далее прим. сост.*

тябре» пришел к нему через восемь лет после того, как фильм, наконец, был выпущен на телевизионный экран и когда актера уже несколько лет не было на свете). Играет в театре (правда, почему-то все время бегаёт из одного в другой), снимается в кино (но фильмы не выходят на экран). Пишут о нем редко и мало — в основном встречаются упоминания о его участии в фильмах. На ТВ и радио появляется не часто. Вот, пожалуй, и все.

А потом, спустя несколько лет после ухода актера, я по счастливому случаю попала к нему в дом, вошла в его кабинет. И вот тут-то и начались открытия, полные радостного удивления... нет, скорее, ошеломления. Этого мы никак не могли знать.

Елизавета Алексеевна Даль выкладывала передо мной одну за другой страницы его рукописного архива — сценарии, статьи, рассказы... Но подлинной неожиданностью стал дневник. Не сам факт того, что он его вел, а то, что было в нем².

Маленькая книжечка в темно-зеленом кожаном переплете, в которую он в течение десяти лет записывал свои мысли, поверял ей свои настроения, чувства, рассказала о Дале то, что не очень отчетливо знали немногочисленные друзья и только догадывались неосознанно многочисленные почитатели его творчества.

Характер и судьба всегда крепко связаны между собой в жизни человека. В жизни Даля судьбу определял характер.

До сих пор перед глазами картина. Я выглядываю из окна холла на первом этаже ВГИКа и наблюдаю исподтишка. Ссутулившись, наклонив голову в низко надвинутой на глаза кепке и с поднятым воротником дубленки, выходит он после занятий со студентами. Благородный, исполненный элегантно изящества облик говорит о сдержанности и неприступности. Таким Даля запомнили многие. И в жизни, и в фильмах он постоянно оставлял после себя ощущение недоговоренности, недосказанности. Родилась даже своего рода формула: «загадка Олега Даля». Так он и ушел — молча, унеся свою тайну с собой.

«Сдержанный человек — это значит, есть что сдерживать», — прочитав у Марины Цветаевой эти слова, я сразу мысленно представила себе его облик. Что же сдерживал в себе Олег Даль?

О своем приходе в профессию он вспоминал по-разному. Иногда говорил: «Случайно». В одном интервью рассказал, что в дет-

---

² Даль не был исключением — дневники ведут многие творческие личности и даже люди нетворческих профессий. К сожалению, я тогда не знала, что существует еще один, хотя и маленький, семейный архив, в котором есть самый первый дневничок. Смотрите раздел «Архив».

стве ему хотелось быть и летчиком, и музыкантом, и спортсменом, и художником... Он попробовал все понемногу. Занимался спортом, но то, что называется «переиграл», — сорвал сердце. В итоге нечего было и думать о профессии летчика. В детстве пел в хоре Дворца пионеров. И, конечно, в школе прилично рисовал (позднее, в зрелом возрасте он вернется к этому занятию). Профессия актера, которую он, в конце концов, избрал, показалась ему наиболее универсальной. В ней он мог хотя бы «проиграть» то, что не сбылось в реальности. Однажды припомнил, как, впервые прочитав лермонтовского «Героя нашего времени», сказал себе: «Я должен стать актером, чтобы сыграть Печорина». Довольно странное заявление для отчаянного сорвиголовы и шалопая, не отличавшегося от других люблинских мальчишек.

В семье желание сына поступать в театральный институт было принято как должное, хотя присутствовало, как во многих семьях, некоторое сомнение, — дома хотели, чтобы он получил более основательную профессию. Однако возражать не стали. «Выступать» он начал в домашних концертах, когда ему было 3–4 года. Худенький, как все дети военного времени, малыш трогательно исполнял роль конферансье. Потом был театальный кружок в школе, позднее Театральная студия при Ц.Д.Д.Ж (Центральный Дом детей железнодорожников), где на него обратила внимание руководитель Маргарита Рудольфовна Перлова. Так что путь в артисты был предопределен.

Он поступил в Щепкинское училище с первого захода.

На экзамене — длинный, худющий до такой степени, что сокурсники позже наградят его прозвищами «шнурок» или «арматура», — молодой человек с копной вьющихся волос гордо декламировал монолог Ноздрева. Хохот стоял гомерический. Резкое несоответствие внешности абитуриента и общего привычного представления о голевском герое вызвало бурный приступ веселья среди членов экзаменационной комиссии. Но когда с неожиданной трагической силой зазвучал отрывок из «Мцыри», было уже не до смеха. В это самое время на него был обращен пристальный взгляд одного из членов приемной комиссии — Веры Николаевны Пашенной. Позднее, встречая Олега в стенах училища, она замечала его и отвечала на его приветствие.

Сразу же, со второго курса, посыпались приглашения сниматься в кино. Руководитель курса, на котором учился Даль, Н. Анненков потом вспоминал: «Да я его почти не учил, так как он непрерывно снимался».

На втором курсе он начинает вести дневник. Собственно говоря, это не был дневник в привычном смысле слова. Но раньше он делал записи на чем попало — на первых попавшихся клочках. А тут сохранились вырванные из большой амбарной книги листочки в линейку. Они написаны по порядку, хотя числа записей проставлены не всюду. Похоже, это ему было неважно. Главное, появилась потребность регулярно отводить душу на бумаге. Помимо осмысления знаний по актерскому мастерству, которые в него два года вкладывал педагог и которые он воспринял и потом часто вспоминал, Даль углубляется в проблемы драматургии. Даже делает попытки сочинять сюжеты. Задумывается над важной для того времени проблемой: что такое злободневность и что такое актуальность. Однако вскоре в дневнике появляется фраза: «Понял, пьесы мне не написать. Я еще слишком глуп и мал...». Однако на всю жизнь в нем осталось глубокое убеждение, что все начинается с настоящего полноценного драматургического материала.

И в этом смысле ему повезло. Он дебютировал в кино ролью Алика Крамера в фильме «Мой младший брат», который снимался по популярной в те годы повести В. Аксенова «Звездный билет». Это и был тот литературный материал, который отвечал волнующим его мыслям.

К 1962 году, когда картина появилась на экранах, хрущевская «оттепель» была в самом разгаре. Росло и становилось на ноги новое поколение, разительно отличавшееся от предыдущих. Молодые люди, вступающие в жизнь в конце 50-х — начале 60-х годов, не испытали на себе 1937 года с его тюрьмами, лагерями, доносами, хотя и знали об этом. Но их сознание формировалось после XX съезда партии, который все это бесповоротно (как тогда казалось) осудил. И если старшие вместе с облегчением — наконец-то прозвучала правда, пусть даже полуподпольная, процеженная, — почувствовали растерянность — как же жить дальше, а главное, верить? — то у молодых сомнений не было: переменны они приняли безоговорочно. Они вдохнули воздуха свободы, и им казалось, они будут дышать им всегда. Тем сильнее будет последующее разочарование, которым всегда в России заканчивается стремление к творческой свободе.

И хотя молодой герой фильма «Застава Ильича» говорил, что поколения делятся не вдоль, а поперек, все же молодежь, в отличие от старшего поколения, была более оптимистична и решительна.

С теми, кто не хотел или боялся перемен, сражались с яростным и непримиримым максимализмом. С прямотой и откровенностью бросались в споры, были бескомпромиссны к любым проявлениям лжи и лицемерия, мещанства и равнодушия, безнравственности и бездуховности.

Они были искренни и чисты в помыслах, их объединяла вера в то, что от них в этой жизни что-то зависит. А главное, они обладали самостоятельным мышлением и чувством внутренней независимости.

Несколько угловатый, еще неоформившийся, уже не мальчик, но еще и не «муж», — таким появился на экране Алик — Олег Даль. Он был, в общем, похож на своих сверстников: щенячий апломб, легкая рисовка выдавали в нем неутомимое желание «выпрыгнуть» из своего возраста, но это желание было по-мальчишески симпатично. Не просто делаю, что хочу, — обнаруживались упорство и самостоятельность в достижении той цели, которую он перед собой поставил. Недаром, давая кому-нибудь оценку, Алик-Даль все время повторяет: «Живой, ищущий», как главную оценку человеческих качеств. Он безмерно предан искусству, и это свойство делает его непохожим на других. Словесная пикировка, приправленная легкой иронией, для него — своего рода упражнение по оттачиванию интеллекта, а с другой стороны — защита от вторжения в его святая святых: поэзия окутывала его словно облако, в котором он постоянно витал.

Вот он сидит у стены Домского собора, а над ним нависают мощные аккорды токкаты Баха. Он, конечно, знал, кто такой Бах, но теперь как будто впервые его услышал. Он потрясен до слез. Очищение страданием, переживанием после встречи с великим — этот четкий смысловой акцент из социально-типового выводил образ к индивидуальному. В популярном споре тех лет между физиками и лириками побеждал лирик.

Через несколько лет, уже в «Современнике», Даль сыграл небольшую роль — трубача Игоря в спектакле «Всегда в продаже» по пьесе все того же В. Аксенова. И опять герой Даля предстал частью целого, а точнее — частицей общего организма, некоего обыкновенного жилого дома, данного в разрезе и как бы представляющего своего рода общественную микромодель со всеми социальными и человеческими слоями и соответствующими проблемами. Тип, который являл Игорь-Даль, очень важный и немногочисленный: человек искусства, погруженный в быт, но сохранивший чувство прекрасного. Он появлялся на сцене с молочными бутылочками в авоське, спеша из детской кухни. Но когда его просили, брал в руки трубу и играл, забывая обо всем. Разумеется, во время спектакля «исполнение» шло под фонограмму. Но Даль так эмоционально отдавался сложным и запутанным гармониям и ритмам джазовой темы, так одухотворял игру знаменитого американского музыканта собственной музыкальностью, что заставлял забыть об условном театральном приеме. В спектакле по пьесе В. Аксенова персонажем, который первым по

ходу спектакля принимался, как говорится, «на ура», была буфетчица в блистательном исполнении... О. Табакова. Далевский трубач был вторым, кто «срывал» овацию.

И Алик и Игорь неразрывно связаны с тем временем, в которое они родились. Связан с ним и сам Олег Даль. Само его появление в начале 60-х годов, когда все новое, смелое, талантливое приветствовалось общественностью и по возможности поддерживалось, сейчас представляется почти символичным.

В кинематографе актер возник как бы на стыке двух поколений творцов, вошедших в искусство после XX съезда. Одни уже сделали свои первые фильмы — Г. Чухрай, В. Ордынский, С. Росточкин, М. Хуциев; другие — О. Иоселиани, Л. Шепитько, В. Шукшин, А. Тарковский — к ним еще только готовились. Впереди были и актерские дебюты. Совсем недавно, в 1959 году, снялся в небольшой роли В.Высоцкий. В 1962 году Дालю исполнился двадцать один год. По рождению он принадлежал к поколению шестидесятников. Но говорить впоследствии он будет и о тех, кто был до него, и о тех, кто придет после, обо всем, что их волновало и мучило, о том, от чего они страдали сами и заставляли страдать окружающих. Тогда об этом, конечно, никто не знал, даже он сам, Олег Даль.

В то время его герой пришелся как раз впору. Про Даля так и писали, что он привел на сцену и на экран аксеновских мальчиков. Правда, «мальчиков» было еще двое — А. Миронов и А. Збруев («Мой младший брат» был и для Збруева первой работой, а Миронов начал всего за год до них). Но дальнейшая судьба Миронова сложится так, что его будут занимать, в основном, в остро-комедийных ролях; Збруеву его первая роль будет даже мешать, зажимая постепенно в слишком узкие рамки. Даль же продлит жизнь своему герою. Он вырастет вместе с актером, и Даль поведет о нем речь, размышляя, что стало с ним в 70-е. На эти размышления откликнутся самые разные поколения, — проблемы-то будут общие. А поначалу все его персонажи — и герои военных лет, и даже сказок — еще долго будут нести в себе аксеновско-далевские черты.

Однажды, в ответ на зрительский вопрос, легко ли ему играть, Даль заметил, что сначала было легко, а потом становилось «все труднее и труднее». Расшифровывая первую часть ответа, пояснил: сначала было актерское нахальство, в хорошем смысле этого слова — «легкое, искрометное, прекрасное». Вторую часть ответа он оставил без объяснений. По свойственной ему манере — недоговаривать, проявившейся еще в юношеские годы, он и здесь остался верен себе. Что же скрывалось за этим «нахальством» и почему было «все труднее и труднее»?